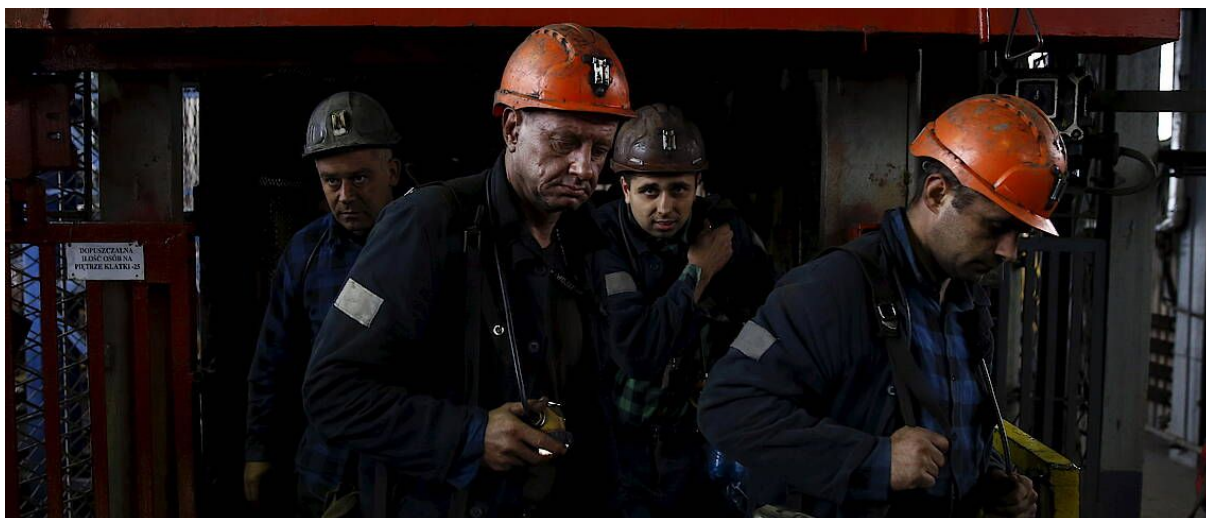

Очередной переход

Богумил Чап | 09.16.2020

Почему Зеленый пакт для Европы не обеспечит социальной справедливости для рабочих в Восточной Европе

Данная статья также доступна на [немецком](#) / [английском](#) языке

Учитывая вспышку COVID-19, 2020 год войдет в историю как поворотный момент, который вынудил чиновников ЕС (и не только) предпринять беспрецедентные меры по возрождению гнущейся экономики. Однако для некоторых частей Европы, особенно восточных, этот год станет годом начала нового экономического перехода.

Последние экономические преобразования в регионе начались тридцать лет назад и прошли под лозунгом освобождения личности и возврата к либеральной демократии. С экономической точки зрения это был переход от плановой экономики к рыночной, который привел к углублению социального и экономического неравенства не только между отдельными людьми, но и между целыми регионами. Больше всего от этого перехода пострадали люди из регионов, зависящих от тяжелой промышленности. По иронии судьбы тридцать лет назад в Чехословакии именно протесты против загрязнения окружающей среды в угольных регионах привели к краху однопартийного правительства, а всеобщая забастовка рабочих довела дело до конца.

Последующие приватизации часто напоминали горячую распродажу. Из-за девальвации национальной валюты иностранным «инвесторам» иногда было выгодно покупать бизнес, разбивать его на части и продавать «на металлолом». Безработица и неравенство росли, а перспективы ухудшались. В этом контексте работники отрасли ископаемого топлива имели минимальную социальную защиту. Эти регионы до сих пор не оправались от дикой трансформации 1990-х годов.

Тридцать лет спустя мы стоим на пороге еще одной экономической трансформации, движимой стремлением и необходимостью сократить выбросы парниковых газов (ПГ). И опять же в основном это коснется жителей регионов, зависящих от тяжелой промышленности.

Что Зеленый пакт означает для Восточной Европы

В рамках «Зеленого пакта для Европы» (GDE), ключевой политики Европейской комиссии в области изменения климата, председатель Урсула фон дер Ляйен во время своего Доклада о положении дел 16 сентября объявила о повышении целевого показателя сокращения выбросов на 55% (по сравнению с 40%). Однако в то же время финансирование Фонда справедливого перехода (Just Transition Fund), созданного для того, чтобы привлечь зависящие от угля регионы на востоке Европы, сократили [с 40 млрд евро до всего лишь 10 млрд евро](#) в ходе недавних переговоров по Фонду восстановления ЕС и бюджету. Поэтому неудивительно, что перспектива нового перехода вызывает опасения, недоверие и неприятие необходимости климатической политики — тем более, если правительства стран также не оказали столь необходимой поддержки.

В определенном смысле Зеленый пакт фон дер Ляйен, несомненно, является амбициозным мероприятием по превращению ЕС в глобального климатического лидера, к которому, будем надеяться, в итоге присоединятся другие сильные игроки на международной арене. Он также кажется амбициозным в своей риторической приверженности социальным аспектам трансформации. В немалой степени это связано с профсоюзным движением, которое успешно продвигало принцип социально справедливого перехода и сделало его частью преамбулы Парижского соглашения, а теперь краеугольным камнем европейской политики изменения климата.

К сожалению, это почти все, чего можно ожидать от Зеленого пакта, поскольку он разработан только для решения вопроса о справедливости в трансформации. Конечно, принимать во внимание рабочих — это хорошо, но справедливость не означает, что нужно учитывать только сторону, оказавшуюся в проигрыше. Дело не только в процессе, но и в результате. Иными словами, когда произойдет это преобразование в рамках Зеленого пакта, результатом вполне может стать сокращение выбросов парниковых газов, но для рабочих и сообществ все останется как прежде.

Что, если уволенные работники не получат работу даже после переподготовки (будь то из-за возраста, пола, семейного положения или цвета кожи)? Или получат, но им будут платить меньше? Или это будет какая-то ненадежная работа? Или им придется переехать и разорвать социальные связи? Как изменится доступ к образованию, здравоохранению и социальной защите (а это имеет решающее значение для успеха на рынке труда)? Справедливый переход также должен быть переходом к справедливости. Зеленый курс стряхивает пыль со старых рецептов, полагаясь на государственно-частное партнерство, фактически не стремясь к более справедливому и более демократическому обществу и экономике.

Справедливость во время и после перехода

Реакция на текущий кризис, вызванный пандемией COVID-19, позволила нам взглянуть на совершенно иное, немеритократическое общество. Помощи заслуживает каждый, так как человек часто не виноват в том, что у него либо у нее нет работы или нечем платить за аренду жилья. Мы должны серьезно отнестись к выученным урокам. Это означает, что в контексте справедливого перехода было бы более справедливо (и более эффективно) просто гарантировать стабильный доход работникам, пострадавшим от декарбонизации вместо того, чтобы обеспечивать им переподготовку, чтобы они еще раз пробовали свои силы на рынке труда. С этим согласны и представители профсоюзов, и экологические НПО.

Еще один инструмент — это условия, при которых компаниям будет разрешено получать европейские деньги. Это открывает целый ряд мер, которые повлекут за собой сдвиг в сторону справедливости, от обязательного участия в национальных структурах социального диалога, более широкого участия работников за счет более инклюзивной кадровой политики и сокращения рабочего времени до более высоких взносов на оплату государственных услуг.

Если кажется, что цена климатических амбиций — отказ от амбициозной социальной трансформации, то это вовсе и не настоящие амбиции. Зеленый курс не требует обязательных планов поэтапного отказа от угля. Не исключена поддержка газовой инфраструктуры. Целей сокращения выбросов парниковых газов недостаточно, чтобы оставаться в рамках целей Парижского соглашения. Прежде всего, Зеленый курс совершенно не в состоянии устранить основную движущую силу климатического кризиса: экономику, основанную на бесконечном росте, который несовместим с принципом устойчивости.

Просто еще один переход

Иногда дебаты о справедливом переходе представляются так, как будто социальные и климатические интересы противоречат друг другу. С такой точки зрения недостатки с обеих сторон являются признаком компромисса, ведущего к частичному прогрессу.

Помимо того, что мы не можем позволить себе роскошь частичного прогресса, этот антагонизм просто не соответствует действительности. В обоих случаях бремя прежде всего ложится на рабочих.

В конце концов, не имеет значения, из-за чего люди не смогут жить полноценной жизнью — из-за плохих условий работы или плохой экологии. Неслучайно 30 лет назад экологические активисты и рабочие стояли по одну сторону баррикад. Те, кто сейчас противопоставляет эти два интереса, социальный и климатический, — как раз люди, живущие за счет эксплуатации как природных, так и человеческих ресурсов, поэтому от них необходимо требовать социальной и климатической справедливости.

Но в плане Зеленого пакта этот факт не признается. Напротив, вполне возможно, что владельцы предприятий, работающих с ископаемым топливом, по-прежнему зарабатывают деньги на преобразовании — если не непосредственно в форме финансовой помощи (как уже происходит), то через другие виды деятельности, связанные, например, со сворачиванием инфраструктуры ископаемого топлива или государственными инвестициями. Так что, если Зеленый пакт — это компромисс, а в политике почти все является компромиссом, то это не компромисс между социальной и климатической справедливостью, а скорее между справедливостью и экономической властью.

В этой борьбе Восточная Европа оказывается в ловушке на более низких уровнях цепочки поставок, чем ее западные соседи — и более низких, чем до последней трансформации. В сочетании с промышленными отношениями — балансом власти между работой и капиталом — это определяет благосостояние рабочих. Таким образом, воздействие декарбонизации на состояние экономики в странах Восточной Европы в контексте цепочек поставок и на промышленные отношения должно, во-первых, вызывать у нас энтузиазм по поводу перехода, а во-вторых — определять наши требования.

Действительно, на мертвой планете не будет ни работы, ни справедливости. Однако верно и то, что если Европа не станет в результате перехода более богатой, справедливой и сплоченной, остальной мир вряд ли последует ее примеру. В этом контексте сокращение финансирования Фонда справедливого перехода ЕС при одновременном повышении целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов просто означает попытку вложить меньше, при этом получив лучший результат. Но пока мы не станем не просто говорить, а что-то делать, и не задумаемся о том, что будет после декарбонизации, наши усилия окончатся просто еще одним переходом, который не принесет результатов ни на международном, ни на местном уровне.